

АЗБУКА ВЕРЫ

Свобода

Свобода

- [Свобода](#) Энциклопедия изречений Святых отцов и учителей Церкви
- [Виды нравственной свободы](#) архим. Платон (Игумнов)
- [Свобода в Церкви](#) прот. Александр Шмеман
- [Вопрос о свободе воли](#) мит. Филарет (Вознесенский)
- [О свободной воле человека](#) П.В. Добросельский
- [Грех и свобода](#) С.Л. Франк
- [Свобода христианина, свобода Церкви и религиозная свобода](#) А.И. Осипов
- [От чего действительно свободен человек?](#) Ирина Силуянова
- [Свобода и еще два понятия](#) свт. Николай Сербский
- [Заповеди Божии и человеческая свобода](#) архим. Симеон (Брюшвайлер)
- [Православие и свобода](#) прот. Василий Попов
- [Богословие свободы](#) свящ. Михаил Легеев
- [Православие и свобода](#) Олеся Николаева
- [«Познаете истину, и истина сделает вас свободными» \(Ин. 8:32\): размышления философа В.П. Лега](#)
- [Где находится общество свободных людей?](#) прот. Вадим Леонов

Свобода – дарованная Богом способность человеческой **воли** к непринужденному избранию **добра**. Свобода бывает внешняя и внутренняя (духовная).

Бог является высочайше свободным Существом, потому что Он действует независимо от необходимости или принуждения. Он избирает, что хочет, и осуществляет избранное, как хочет. При этом Его воля обладает совершенной **святостью**, Сам Он творит только высочайшее добро и благо, которое исключает всякое зло, как свет исключает тьму.

Созданный по Образу Божьему человек также обладает даром свободной воли. «Если человек сотворен по Образу блаженного и пресущественного Божества, а Божество свободно и имеет волю по естеству, то и человек, как Образ Божества, свободен по естеству и имеет волю» (св. [Иоанн Дамаскин](#)).

Уподобляясь Богу, человек призван творить одно добро и возрасть в непрестанном соединении с Богом как Первообразом и Источником Добра. Через такое соединение его свобода должна непрестанно

возрастать, ибо совершенно свободен Сам Бог.

Однако после грехопадения человек встал на путь зла. Грехопадение произошло от злоупотребления свободой разумных тварей, которую Бог создал доброю, и, даровавши им, уже не желает нарушать. После грехопадения человек встал на самую низшую степень свободы – свободы выбора между добром и злом. Избирая добро, человек борется с грехом и соединяется с Богом, возрастая в свободе. Избирая зло, человек порабощается греху – своим порочным страстям, освобождение от которых требует немалого подвига при содействии Божественной благодати.

святитель Феофан Затворник:

Да определили ли вы, чего хотите, так желая себе свободы? Внутренней свободы нечего искать, ибо она есть уже, так как есть неотъемлемая принадлежность духа. Ее никто отнять не может. Выходит, вам желательна внешняя свобода. Но извольте рассудить, в какой мере допустима и достижима такая свобода? Куда ни киньтесь, всюду вы будете окружены такими же свободами, как и ваша, равноправными вашей свободе. Что бы мы ни задумали делать, всегда должны соотносить свои действия с действиями других людей и ими ограничивать себя и, следовательно, стеснять свою свободу. Что ни шаг, то пресечение свободы. И притом законное, против которого возражать нельзя, по собственному сознанию. Если это так, то порыв на свободу есть бегание за радугой и еще хуже – желание схватить призрак.

***

Свобода

иерей Олег Давыденков

В учебниках догматического богословия среди свойств человеческой души обычно указывается такое свойство, как свобода. Однако, свободу нельзя рассматривать как свойство только лишь души. Если, например, разумность — это свойство, которое принадлежит только душе, в душе имеет свое основание, но никак не в теле, то свобода — это нечто такое, что принадлежит не только душе, но человеку как таковому. Это скорее характеристика не души, а личности, состоящей из души и тела.

О свободе можно говорить в двух смыслах: с одной стороны, о свободе формальной или психологической, и о свободе нравственной или духовной, с другой. Православная антропология различает в человеке две воли: волю физическую как способность желать и действовать ради удовлетворения желания, и волю гномическую как способность самоопределяться по отношению к желаниям своего естества, т. е. избирать одни желания, а другие отвергать.

Формальная (психологическая) свобода — это способность направлять свою волю, деятельность на те или другие предметы, избирать тот или другой путь, отдавать предпочтение тем или другим побуждениям к деятельности. На этой способности человека основаны многие заповеди Свщ. Писания. Втор.30:15: "Вот, Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло". И дальше говорится о необходимости делать выбор между этими предложенными началами. В Ис.1:19-20: "Если захотите и послушаете, то будете вкушать благо земли. Если отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас". Эта формальная свобода сохраняется у человека и после грехопадения, она сохраняется даже в аду. Сама по себе формальная свобода вовсе не является признаком совершенства. Скорее наоборот, она свидетельствует о некотором несовершенстве, поскольку Бог не имеет воли гномической, т. к. не имеет потребности выбирать из различных возможностей. Любой выбор всегда связан с некоторым несовершенством: незнанием, сомнением, колебанием, а Бог всегда в совершенстве знает Свои цели, и средства для их достижения. Поэтому Бог является совершенно свободным Существом. Он свободен в том смысле, что Он всегда является таким, каким хочет быть, и всегда действует таким образом, каким желает; ничто Ему не препятствует, никакая необходимость, ни внутренняя, ни внешняя, Ему не довлеет. Такая свобода называется свободой нравственной, духовной. Сама по себе способность выбора еще не делает человека свободным, потому что желания человека и его возможности не всегда совпадают. Человек часто желает того, что не может осуществить, и, наоборот, нередко вынужден делать то, чего делать не хочет. Наиболее ярко в Свщ. Писании эта мысль выражена в Рим.7:19-23: "Доброго, которого хочу, не делаю, злое, которого не хочу, делаю". Поэтому путь к подлинной свободе лежит через освобождение от тирании греха и от власти природной

ограниченности, которая, сама по себе не являясь грехом, является следствием грехопадения. О необходимости стремиться к такой свободе много говорится в Новом Завете. Спаситель говорит: "Если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Ин.8:31-32). "Всякий, делающий грех, есть раб греха... Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете" (Ин.8:34-36). Апостол Павел говорит: "Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти" (Рим.8:2) и восклицает: "Где дух Господень, там свобода!" (2 Кор.3:17). Иными словами, через причастие Божеству, через соединение с Богом, человек приобщается к той свободе, которой обладает Бог, и сам обретает свободу, освобождаясь от власти греха и от природной необходимости.

***

О свободе

проф. А. И. Осипов

Проблема свободы является одной из самых важных проблем, входящих в круг тем антропологии. Что мы можем сказать по этому вопросу с христианской точки зрения и на что обратить внимание в связи с этим? Во-первых, надо сказать, что понятие свободы очень неоднозначно: слово-то одно, но то содержание, которое стоит за ним, может быть различным. Я обращаю ваше внимание, по крайней мере, на три разных смысла этого понятия.

Первый из них я бы назвал метафизическим пониманием свободы. Речь здесь идет о простых вещах, вернее, о простой вещи – о свободе воли человека как образа Божьего, о свободе, характеризующейся наличием в человеке способности выбора, внутреннего выбора, между добром и злом. Речь здесь идет не о том, правильно или неправильно он выбирает, ошибается или нет, речь идет о фундаментальном свойстве человеческой природы – о свободе воли. Эта свобода, с христианской точки зрения, является тем свойством личности, утрата которого приводит к полной деградации личности. По христианскому учению, над этой свободой никто не властен – ни люди, ни общество, ни демоны, ни Сам Бог. Особенно, конечно, страшно звучит последнее: как это, над свободой человека не властен

Сам Бог? Да, и это является одной из серьезных и важных истин христианства. Если бы не так, то в таком случае и спасение, и гибель человека были бы обусловлены Богом. А христианство говорит: Бог не может нас спасти без нас, то есть именно без нашей свободы, без нашего произволения. Вот эта возможность внутреннего самоопределения личности перед лицом добра и зла является одним из самых фундаментальных свойств человеческой личности. Итак, первое понимание свободы – это метафизическая свобода, свобода воли.

Есть второе понимание свободы. Оно связано с возможностью реализации личности в условиях ее жизни в обществе, в социальных условиях, в окружающем мире. Здесь речь идет уже о свободе действий человека. Можно назвать эту свободу внешней свободой. Если мы коснемся более узкого спектра, коснемся именно социальной стороны жизни человека, то мы можем говорить о правах человека или – свободах человека. Но вы сами понимаете, что эта внешняя свобода не исчерпывается только правами. Права в каждом государстве или обществе гарантируются свои, но внешняя свобода шире: она проявляется у человека в отношении к вещам, к природе, если хотите – к самому себе. Так что внешняя свобода достаточно широкое понятие, но в нем наиболее, так сказать, актуальным вопросом современности является именно вопрос о правах, или свободах, человека.

Вот эти два вида свободы, в общем-то, всем понятны: все о них знают, все о них говорят. Христианство указывает на третий вид свободы, с христианской точки зрения – самый важный. Речь идет о духовной свободе. Вот эта третья категория – духовная свобода – означает ни что иное, как власть человека над своими страстями, или – господство ума над сердцем; над всеми страстями, как неукоризненными, так и укоризненными (тем более!). Но не просто господство ума. Господство ума тоже может носить различный характер: мы, например, можем видеть определенное господство ума у аскетов и других религий. В христианстве это господство имеет особенное звучание, особенное содержание. Христианство, говоря о господстве личности над страстями, прежде всего, если хотите, говорит о величайшей страсти, о корне всех страстей – о гордости.

Вот этого как раз элемента мы не находим, например, у буддистских аскетов, у аскетов Веданты, у аскетов индуистского направления вообще, так же, как и у аскетов других вер и религий. Здесь мы, правда, вступаем в очень тонкую область, и я должен вам сказать, что о борьбе с гордостью говорят аскеты и других вер, но, к сожалению, само понимание гордости и смирения в других религиях имеет не тот характер, что в христианстве, в православии.

Как приобретается эта духовная свобода? Она приобретается правильной жизнью. Эта правильная жизнь приобщает человека к Богу, делает его созвучным Богу, подобным Богу, преподобным Богу. А апостол Павел говорит: "Где Дух Господень, там свобода". Поэтому апостол Павел называет свободного человека "новым" в отличие от человека "ветхого" (вы знаете эту терминологию), живущего греховно называет "рабом". Рабом чего? Страстей. Когда ум, хотя может и говорить сердцу, но, будучи уже рабом похоти, не властвует над чувством, становится исполнителем страстей. Человек, пребывающий в рабстве у страстей, является уже действительно рабом. Вы помните, как апостол Павел описывает это рабство (я вам процитирую): "... ибо не понимаю, что делаю. Потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу. Доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, - делаю. В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного". Эта мысль, по-моему, всем понятная и не требует комментария.

Я бы хотел указать вам еще на одно очевидное различие между духовной свободой и свободой воли. В связи с этим обращаю ваше внимание на очень интересную мысль Канта - всем вам известного философа. Я процитирую его: "Под свободой в космологическом (он так выражается, а, на самом деле, - в метафизическом) смысле я разумею способность самопроизвольно начинать состояние. Свобода в практическом (то есть нравственном, духовном) смысле есть независимость воли от принуждения чувственности." Итак, он справедливо отмечает, называя космологической свободой то, что мы назвали метафизической свободой, что это есть "способность самопроизвольно начинать состояние". Очень важная мысль! Постоянно задаются вопросом: "А что такое свобода? Почему человек

делает вот так, а не иначе?", – забывая о простой вещи: как только вы сказали "почему?", вы уже исключили свободу. Свобода в том и состоит, что человек действует не почему, а от себя начинает ряд действий, как вот Кант и пишет: "начинать состояние":

метафизическая свобода – это есть способность начинать ряд действий не по причине каких-то внешних, сторонних воздействий, а именно потому, что я так хочу! Поэтому в одной и той же ситуации разные люди могут принимать совершенно разные решения, хотя на них действуют одни и те же внешние факторы.

Указанные три категории свободы позволяют нам говорить о том, что является целью человека. Свобода воли есть прирожденное свойство. Свободы внешние, с христианской точки зрения, хотя и являются очень желаемыми, но, поскольку они всегда условны и относительны, они не могут быть целью сами по себе. Конечно, высшей целью для человека (и христианин это понимает) является свобода духовная, ибо только она действительно дает человеку возможность правильного поведения, правильной жизни, и только она делает эту жизнь наименее скорбной, или бесскорбной. Кстати, есть интересное высказывание преподобного [Марка Подвижника](#), которое прямо говорит о духовной свободе: "Закон свободы читается разумом истинным, понимается – деланием заповедей". Это из "[Добротолубия](#)», из первого тома.

Поскольку, как вы сами понимаете, вопрос о свободе очень большой, я остановлюсь сейчас на вопросе, который, возможно, для нас с вами имеет особенно существенное значение: речь идет о свободе Церкви. Всего мы с вами не охватим, но вот свобода Церкви – вопрос, который должен нас интересовать. Вначале скажу несколько слов относительно понимания сущности Церкви. Церковь есть Богочеловеческий организм. Обращаю ваше внимание – Богочеловеческий, или тело Христово. Церковь – единство Духа Святого, пребывающего в тех, и только тех, христианах, которые в своей жизни стремятся исполнить Евангелие. Вот что есть Церковь: это то тело Христово, которое является единством Духа Святого, пребывающего в тех христианах, которые стремятся исполнить Евангелие; исполняют в разную меру – в тридцать, шестьдесят, сто крат, как сказал Господь в притче, но этим обуславливается и

степень причастности каждого человека к телу Христову. Это очень важно понять: вот кто является членом Церкви.

Это определение, так сказать, по существу, поскольку есть и другое – другая картина, другая сторона понимания Церкви. Напоминаю вам: всегда несовершенным выражением вот этого организма Христова является конкретная община во главе с епископом. Эту общину можно назвать по-разному: это поместная церковь, это епархия, это, если хотите, всемирная Церковь, или, как говорим мы, – Вселенская Церковь, то есть это христианская община во главе с епископом или с епископами – это значения не имеет. Вот это видимое выражение, человеческое, оно всегда не совершенно. Несовершенно в каком отношении? В том, что в ней, в этой Церкви, пребывают христиане, в различной степени причастные Духу Божьему. Кто является членом этой Церкви? Все крещеные: крестился человек – он член Церкви, независимо от праведности или порочности жизни человека. Вот что особенно трагично: если человек канонически не исключен из Церкви, не анафематствован, он является членом этой видимой Церкви.

Вы теперь понимаете, что человек, будучи членом Церкви, может иметь разное участие в жизни этой Церкви: он может быть богословом, может быть священником, может быть иерархом. и соответствующим образом влиять на жизнь всей Церкви, принимать решение и т. д. Что отсюда проистекает? Вы знаете историю Церкви: отсюда часто проистекали трагические вещи. В результате того, что видимая Церковь содержит в себе всех крещеных, и эти крещеные могут занимать различные ответственные места и должности в Церкви, в этой внешней Церкви всегда сохраняется возможность деградации вплоть до полного превращения ее в языческую организацию, хотя бы и сохраняющую всю религиозную атрибутику. Такие процессы были в истории христианства, и теперь происходят самым интенсивным образом в христианском мире. Пример западных христианских церквей является в данном случае очень наглядной и яркой иллюстрацией того, чем может стать любая поместная церковь, то есть община, возглавляемая епископом, когда, в конечном счете, в ней начинают преобладать не жизнь по Духу Божьему, а жизнь языческая. Поэтому целью и задачей каждой

поместной церкви является стремление осуществить в своих членах полноту христианской жизни. Пока поместная церковь содержит неповрежденной догматическую веру, основы духовной жизни и каноническое устройство, в ней пребывает Дух Божий, и она способна рождать христианина и вести его по пути спасения. Но эта способность - повторяю еще раз - может увеличиваться, а может уменьшаться в зависимости от того, в какой степени в данной церкви сохраняется истинное понимание христианства, то есть основ духовной жизни, основ веры, основ канонического устройства. Это очень серьезный вопрос, друзья мои!

Итак, Церковь по своему существу богочеловечна, и отсюда, в силу ее двухприродности, мы можем говорить о совершенно разных двух свободах Церкви. Это очень важно. Церковь как незримое единство Духа Божьего в тех, кто имеет заповеди Христовы и соблюдает их, эта Церковь всегда свободна, независимо от того, в каких условиях она находится. Христиан - ко львам, - как, Церковь свободна была или нет? Да! Все эти христиане самих мучителей поражали чем? Своей свободой! Эта Церковь, понятая как незримое единство Духа Божьего, не зависит от внешних свобод, для нее ничего не значат все права и все привилегии, которые могли бы иметь христиане: имеют они эти привилегии и права или не имеют - они внутренне свободны. Этой Церкви не страшны никакие гонения. Более того - эти гонения служат к ее еще большей славе. У Бальзака есть замечательное изречение, он говорит: "Из всех посевов, доверенных земле, самый большой урожай принесла кровь мучеников". Очень красиво сказано, сильно.

Так вот, даже сами эти гонения на Церковь, отсутствие у нее прав служат ее еще большей славе. Таковой Церковь была всегда. Однако, друзья мои, если мы будем говорить о Церкви как о реальности человеческой, как о видимой организации и общине, то мы с вами естественно сразу же можем говорить и о внешних свободах для нее. Эти свободы в данном случае не могут ничем отличаться от той свободы, которой может искать любая человеческая организация. Эти свободы регламентируются государством и называются религиозные свободы. Что такое религиозная свобода? Это свобода, или право, открытого исповедания своей веры, открытого совершения

культы – как индивидуально, так и коллективно. Вот эта свобода открытого практического осуществления своих религиозных убеждений ничем в данном случае не отличается от важнейших социальных свобод или прав человека, которым в современном мире, как я уже вам сказал, придается исключительное значение, я бы сказал – первостепенное. К этому есть очень серьезные причины.

В связи с этим я бы хотел обратить ваше внимание на две особенности этих внешних свобод. Первая из них заключается вот в чем: любое право, которым обладает человек или та или иная организация, двусторонне. В каком отношении? Оно может быть использовано как в благих целях, так и в злых. Например, информация или диффамация: можно информировать о тех событиях, которые происходят, а можно – дезинформировать. Вы прекрасно это знаете: можно так подать факты, что у людей сложится совершенно превратное представление о том или ином событии. И мы знаем, что этим искусством великолепно обладают "специалисты": они получили свободу – свободный доступ к информации, и занимаются свободой – занимаются дезинформацией.

Итак, любое право двусторонне. Это первое. Второе, на что я обращаю ваше внимание, что права в этом юридическом смысле сами по себе еще ничего не говорят о самом главном для человека и, конечно, для христианина – о духовной свободе. Юридические права совершенно не касаются этого вопроса; для закона это безразлично, он устанавливает только нормы проявления человеком своей личности в социуме и больше ничего. Более того, стоит обратить внимание на следующий факт: катастрофическая моральная и духовная деградация, которая является сейчас фактом жизни современных цивилизованных обществ, – я говорю о Европе, об Америке – прямо свидетельствует о том, что одной из главных причин этой деморализации является как раз фактически неограниченная свобода человека.

Иногда задают такой вопрос: что наиболее отрицательного можно сказать о прошедшем столетии? С чем мы входим в третье тысячелетие? Я бы ответил так: самым беспокоящим, самым негативным из того, с чем мы подошли к третьему тысячелетию, является господствующее в умах современных людей отождествление

свободы человека с его политическими правами и свободами. Это ложное понимание свободы стало главенствующим, можно даже сказать – единственным, пониманием свободы. Под свободой разумеют только вот эти границы самопроявления человека. И это стало основным. Поэтому мы видим массу негативных явлений, связанных с тем, что данная свобода рассматривается как первичное и необходимое условие должной жизни человека.

Вот эти два момента, на которые я обращаю ваше внимание, – во-первых, что всякое право двусторонне, а во-вторых, что юридические свободы совершенно не касаются вопросов духовной свободы, – указывают на один существенный вывод: внешние свободы не могут рассматриваться как безусловная и самодостаточная ценность. Это очень важно. Кстати, этот вывод прямо проистекает из христианского понимания человека и смысла его жизни. Мы только что с вами говорили, что христианская антропология зиждется на двух как бы симметрично расположенных или формально противоположных утверждениях: на заданном богоподобном величии человека и данном, увы, столь глубоком повреждении его, что Самому Богу пришлось прийти, чтобы "прежде падшее воскресить во Образ".

Вот эти соображения, мне кажется, позволяют понять нам с вами принципиальную христианскую позицию по отношению к свободам, то есть к правам человека, которые должны предоставляться обществом каждому человеку. Эта позиция в своем существе заключается в том, что все условия социального существования человека, включая, в первую очередь, свободы, никогда не могут рассматриваться в качестве самоцели: они только средство, а не цель. Обращаю ваше внимание, друзья мои, на это. Повторяю вам еще раз: сейчас эти свободы всюду рассматриваются как самоцель, речь идет только о правах человека и свободах. Вот, например, сейчас в связи с чеченской войной, когда к нам приезжают западные эмиссары, что их в первую очередь беспокоит? Не нарушается ли свобода человека. Когда вы хватаете преступника, то вы, оказывается, нарушаете его свободу! Их не беспокоит при этом, в каком состоянии находится человек, что он может сделать, какой принести вред другим людям, – все это вторично! Первичным являются вот эти права, внешние свободы.

Вы теперь видите, что христианство в данном вопросе занимает совершенно иную позицию: внешние свободы и права рассматриваются лишь как условия, причем совсем не самые важные, совсем не самые главные, а только одни из условий, которые желательны, но не необходимы, для приобретения духовной свободы человека. Вот здесь христианство и мир решительно расходятся между собой: для христианства первична духовная свобода, для мира – внешние свободы. Для мира духовная свобода вообще, если хотите, лишнее понятие, для христианства оно является единственно ценным. Христианин-раб может быть духовно свободным; мир этого не понимает.

Теперь мне хотелось бы поговорить вот о чем: какова та цель, которая для христианства является главнейшей, как мы должны ее понимать. Что предполагает понимание того нового человека, о котором пишет апостол Павел? Как это учение должно корректировать наше понимание смысла внешних свобод и прав. Здесь мы с вами подходим к наиболее важным вещам, которые нам нужно оценить.

В христианстве все вопросы оцениваются с точки зрения одного критерия. Этот критерий – Бог есть любовь. Как только мы произнесли: "Бог есть любовь", тем самым мы высказали следующую глубочайшую истину о том, что основным и даже, точнее, – единственным безусловным и абсолютным законом нашего бытия является любовь. Чем больше человек в своей жизни приближается к исполнению этого закона, осуществлению его, тем более он свободен и благ и нов. Чем более он отходит от этого закона, нарушает этот закон, тем менее он свободен, тем более он страдает, и тем большее зло он испытывает на самом себе. Мы подчас просто не придаем значения этой величайшей истине, которую не знал и не знает мир сей. Христианство открыло нам эту величайшую истину.

Итак, исходя из упомянутого закона, мы можем сделать вывод, что только те права и только в тех границах достойны общественного признания и одобрения, с христианской точки зрения, которые способствуют воспитанию в человеке истинной любви. Вот критерий, которым мы должны руководствоваться при оценке тех или иных прав: способствуют ли они воспитанию в человеке любви к окружающим людям? Если – да, то эти права хороши, в этих границах

они хороши. Если они, напротив, слишком легко поддаются искажению, если их слишком легко извратить, то, следовательно, они худы. Что с точки зрения христианства наиболее активно разрушает дух любви в человеке? Развитие страстей. Каков их корень?

Напоминаю вам три "с": славолюбие, сребролюбие, сластолюбие. Это из поучений аввы Дорофея. Вот он, этот трехрогий ... дракон, который, оказывается, порождает всю сумму зол и страданий, которые есть в нашем мире. Эти три страсти в своем развитии, давая начала многим другим, убивают (слышите - убивают!) в человеке то, что именуется любовью. Невозможна любовь там, где эти страсти культивируются: там, где господствует страсть к славе, страсть к наживе, страсть к наслаждениям, там не может быть любви.

Запомните, пожалуйста, это! Нас иногда спрашивают: что худого вы видите в том, что происходит? Мы отвечаем: закон (закон!) состоит в том, что там, где культ этих страстей, там не может быть любви. А где нет любви, там что, следовательно, есть? Противоположное! Любовь есть жизнь. Нет любви - есть смерть. Где нет любви, там потенциальная смерть, которая становится и реальной, неминуемо становится реальной.

Итак, критерием христианского понимания свободы является вот это великий принцип любви, по которому мы можем оценивать, если хотите, все явления окружающей жизни. Отсюда мы можем вновь обратиться к догматической постановке вопроса: кто обладает абсолютной свободой? Бог. Это совершенно ясно. Он есть и абсолютная любовь. Абсолютная духовная свобода - это свойство Бога. Кто из смертных достигал духовной свободы? Святые, преподобные, очистившиеся от страстей. Кстати, очень удачно соотношение святости и свободы выразил [блаженный Августин](#). "Велика свобода - быть в состоянии не грешить, но величайшая свобода - не быть в состоянии грешить". Интересная мысль.

Итак, мы с вами говорим о религиозной свободе. По формальным признакам религиозная свобода ничем не отличается от других свобод. Эта свобода заключается в праве открытого исповедания и практического осуществления своих религиозных убеждений - как индивидуально, так и коллективно. Об этом мы с вами говорили; говорили и о том, что сами по себе внешние свободы, в том числе и

эти религиозные свободы, не могут рассматриваться как безусловная и самодостаточная ценность. В связи с этим мы обратили внимание на то, что ценностью для человека является воссоздание "прежде падшего Образа", и свобода только в том случае может рассматриваться как положительное явление нашей жизни, когда она создает условия и способствует именно этому воссозданию Образа в человеке, то есть созданию, если хотите, "нового человека". При этом мы обратили внимание на то, что основополагающим принципом в понимании этого нового человека и, отсюда, основополагающим принципом в понимании того, при каком условии свобода носит положительный характер, является не что иное, как любовь: она, в конечном счете, придает тот смысл свободе, с которым может согласиться и который может принять христианское сознание. Мы с вами отметили также, что свобода сама по себе может качественно различаться в своих проявлениях, что абсолютной свободой обладает, в конечном счете, только Сам Бог, что относительной свободой обладает каждый человек; большой свободы достигли святые, но при этом я приводил вам очень интересную мысль бл. Августина о том, что велика свобода быть в состоянии не грешить, но величайшая свобода - не быть в состоянии грешить.

Итак, мы пришли с вами к мысли, что свобода тогда велика и является истинно положительным явлением, когда она осуществляется "в границах" любви. Где нет любви, там свобода превращается, как мы видим, в карикатуру, в произвол - неминуемо! Только в границах любви она становится тем положительным свойством, которое рассматривается христианством как свойство драгоценное, как свойство, возвышающее личность до уровня подлинного образа Божьего. Вот это, друзья мои, очень важно: свобода, не ограниченная любовью, страшна. Почему страшна? Потому что где нет любви, там, значит, господство страстей. Это очень важные моменты, друзья мои, на которые вам необходимо обратить внимание: где нет любви - христианской любви, естественно, - то есть, где нет самоотдачи, где нет победы над эгоизмом, там, следовательно, мы находим культ страстей, культ эго. А страсти всегда безумны, они всегда разрушают человека, калечат его, губят его, приносят ему страдания и, в конечном счете, смерть. Вот это в высшей степени важная мысль, которая не понимается

мирским, нехристианским, сознанием. Только там, где любовь, – а любовь возможна только там, где чистота сердца, ибо любовь рождается постепенно, по мере очищения человека от страстей – там, где любовь, там свобода становится именно свободой. Где нет этого, там мы видим насилие.

Кстати, в связи с этим я обращаю ваше внимание на очень интересную книгу И.Шафаревича – "Социализм как явление мировой истории". О чем говорит социализм на протяжении всей своей истории? О свободе: "свобода, равенство, братство".

Социалистические идеи присутствуют в истории очень и очень давно и только в эпоху Французской революции они выкристаллизовались в эту формулу. Так вот, Шафаревич показывает на истории социализма, к чему, в конечном счете, социализм всегда приводил. Он констатирует просто исторический факт: социализм всегда приводил к тоталитарному режиму. Это поразительная вещь! Шафаревич, конечно, не знаком, к сожалению, с христианской идеей духовной свободы, а то бы он показал, в чем причина этого, а причина все та же – там, где нет борьбы со страстями (на светском языке – со своим эгоизмом), там неминуемо господство страстей превращает человека в чудовище.

Итак, оказывается, поистине свободен только тот, с христианской точки зрения, кто приобрел свободу внутри себя, кто свободен душой, даже если он и не свободен телом. Свобода тела (под этим я имею в виду всю совокупность внешних свобод) – это явление вторичное и в этом смысле, если хотите, даже второстепенное. Первостепенная задача человека и то, что делает человека человеком, – это внутренняя его свобода, свобода от всех видов зла, от господства страстей. Вот, если хотите, это наш христианский основополагающий тезис, без которого мы не можем надлежащим образом говорить с представителями других мировоззрений.

Подмена идеи духовной свободы идеей свободы похотей убийственна, но мы видим, что эта подмена является поистине знаменем нашего времени. Более того, мы можем прямо сказать: причина всех тех нестроений, которые существуют сейчас в социальной действительности каждого государства, каждого общества и в мире в целом, состоит именно в этом величайшем обмане. Я рискую так

говорить, потому что есть идеологи, которые именно это прекрасно понимают и сознательно внедряют в человеческое сознание эту идею свободы похотей, свободы страстей. Торжество (буквально – торжество!) вот этой идеи лжесвободы в современном мире – это самое печальное, с чем пришло человечество к началу третьего тысячелетия. Торжествует этот обман, это искажение, это извращение великой ценности – свободы. Некая карикатура объявлена свободой, и это, повторяю, является знаменем нашей эпохи. Дьявольская, я бы сказал, свобода, подмена свободы – вот с чем мы пришли к третьему тысячелетию.

То, что я вам сейчас говорю, учтите, друзья мои, совершенно противоречит представлению современного мира. Посмотрите, на что направлена сейчас свобода, что все требуют? Свободы страстей, свободы похотей! Снимаются даже юридические ограничения: то, что раньше считалось преступлением, сейчас – пожалуйста, свобода разврата, свобода извращений. Более того, это ложное представление о свободе проникает в христианский мир: сейчас уже некоторые христианские церкви высказываются в пользу признания прав так называемых половых меньшинств, то есть лиц нетрадиционной половой ориентации, а попросту говоря, – извращенцев. Недавно в Австралии на конференции целое пленарное заседание было отведено этим лицам, которые сидели и часа полтора жаловались на то, что многие церкви их не принимают, не признают, не дают им рукополагаться, не венчают их и т.д. Срам! Почти вся ассамблея встала и аплодировала по окончании этой мерзкой сцены. Вот до чего докатилось человечество!

В очень большой степени, кстати, проблема ложной трактовки свободы касается сферы информации и, в частности, прессы. Все вы слышаны, конечно, о свободе прессы, свободе информации и т.д. Вы посмотрите, во что превращается эта так называемая свобода! Вот вам один только пример: в Америке к восемнадцати годам человек может увидеть более 150 тысяч преступлений – убийств, насилия и т.д. Что это за свобода? Культ так понимаемой свободы есть не что иное, как реальное осуществление, если хотите, сатанизма в современном мире: он – Зло – требует себе свободы и достигает в этом успеха.

Теперь поговорим об идеях равенства и равноправия. Вопрос этот непосредственно соприкасается с проблемой религиозной свободы и сопряженных с нею свобод. Чтобы вы поняли, о чем идет речь, я приведу вам два примера. В демократическом государстве все люди равны перед законом, все имеют равные права, то есть равные свободы: все свободны, все могут быть избраны и могут избирать других и т.д. Все это, казалось бы, входит в само понятие демократического государства. Но, обратите внимание, тот человек, за которого проголосовало большинство избирателей и который, таким образом, будет выражать точку зрения этого большинства, получает значительно большие свободы, чем все прочие. Вот избрали президента – он теперь обладает неизмеримо большими правами, чем все прочие: он имеет право назначать премьер-министра, он с собой носит этот пресловутый чемоданчик с ядерной кнопкой и т.д. Таким образом, он обладает такими правами, которыми не обладает ни один человек. С формальной точки зрения мы должны возмутиться: нарушение прав человека! Почему это Путин обладает большими правами, чем я? Отвечаю: большинство избирателей проголосовали за то, чтобы он обладал этими правами. Оказывается, очевидное неравноправие обусловлено в демократическом государстве тем, что большинство предоставляет определенному лицу эти приоритетные права. Формальное неравноправие, оказывается, соответствует существу равноправия в том государстве, которое именуется демократическим.

К чему я это, друзья мои, говорю? Вот эта констатация факта имеет большое значение в вопросе, который связан с религиозными свободами. Вот – группа верующих, в которой насчитывается, допустим, сто человек. И вот другая группа верующих, в которой насчитывается десять миллионов человек. Они же равноправны? Да, конечно. Они же должны обладать равными свободами? Несомненно. А давайте подумаем, что это означать должно практически. Мы только что уяснили, что это должно означать в демократическом государстве: большинство (большинство!) в демократическом обществе для того, чтобы государство было целостным, единым и структурно организованным, должно обладать большими правами, хотя все одинаково свободны. То есть я хочу сказать, что десять миллионов верующих могут и должны обладать большими правами,

чем сто человек. Возьмите, например, парламент. Иногда, победа обеспечивается одним лишним голосом: пятьдесят "за" и сорок девять "против", и сорок девять должны смириться – закон принимается. И никто не говорит, что здесь имеет место неравноправие, что здесь попрание свобод граждан и так далее – таков демократический принцип. Так и здесь: когда мы говорим о равенстве свобод, понятно – все свободны одинаково; когда мы говорим о правах, сразу должны соотносить эти права с тем, где большинство, а где меньшинство.

Почему я об этом сейчас говорю. Дело в том, что во всех демократических государствах – кроме, может быть, Америки – отдельные церкви обладают большими правами, при равенстве свобод, чем другие. В Австрии, если не ошибаюсь, шесть церквей обладают этими приоритетными правами, в Финляндии, например, две церкви – лютеранская и православная, хотя там сколько угодно религиозных сект, – и ни у кого не вызывает это никаких недоумений. Нигде не вызывает недоумений! Молчит американский сенат и конгресс! Однако, как только этот вопрос касается России, где десятки миллионов православных и сотни человек, принадлежащих какой-то секте, так поднимается шум и гам: нарушение свобод! Ничего подобного, – какое нарушение? Да, с полным правом Православие может требовать, если государство демократическое, – с полным правом имеет основания требовать себе больше прав, чем те, которыми обладают другие, меньшие по численности, религии. О каких, например, правах здесь идет речь? О праве преподавания основ православия в школах, в университетах, о больших правах при пользовании средствами массовой информации и т.д. Все эти права естественным образом должны принадлежать церкви, веру которой исповедает подавляющее большинство граждан государства, если это государство на деле, а не только декларативно, придерживается демократических принципов.

Сам по себе этот момент очень важен и интересен: воля большинства определяет распределение, если хотите, прав. Таков принцип демократического общества. Вот другой пример, который, может быть, еще больше прояснит ситуацию. Представьте себе, что какая-нибудь очень богатая секта, скупив в демократической стране N все

средства информации, начала бы свободно вести пропаганду идей, моральных принципов, убеждений, совершенно чуждых народу этой страны. Почему бы она смогла это сделать? Потому что она воспользовалась бы этим лживым принципом демократии, согласно которому все равны. Эта секта может всего насчитывать сто человек, но зато у нее миллиарды. Что это было бы с точки зрения демократии, то есть власти народа? Осуществление демократии? Когда какая-то группа захватчиков, скупив все средства информации, начинает выливать на весь народ то, что противно его убеждениям, что противоречит его религии, его взглядам! Что это было бы? Здесь имеет место не власть демоса, а власть денег! Не народ выбрал этих сто человек, чтобы они вещали на всю страну, – не народ, а деньги! Совершенно очевидно, что власти народа здесь нет. И вот здесь, друзья мои, вы видите тот ключик, которым открывается ларчик современной лжесвободы. Вы видите, например, что творится в нашем государстве? Кто более всего обладает свободой вещания? Те, у кого деньги! Деньги! Вы видите, какое извращение демократического принципа! Сейчас нет в мире демократии, а есть плутократия (плуто – значит богатство). Очень ловко подменили демократию плутократией, и объявили ее демократией.

Эта мысль о различии свобод и прав очень важна, друзья мои. В этой связи интересно замечание очень известного общественного и церковного деятеля начала XX века – генерала Киреева. Он, кстати, принимал активное участие в диалоге со старокатоликами. Говоря о царских манифестах 1905 года, гарантировавших полное равноправие всем инословным и иноверным в России, генерал Киреев писал: "Царь не видит, не понимает того глубокого изменения, которое его законы о равноправности в вере внесли в нашу жизнь. Он смешал равноправность со свободой. Против свободы никто не возражает, но равноправность в пропаганде – иное дело. "Вы поняли всю силу его замечания? Если маленькая кучка верующих будет иметь те же права, что имеет гигантская масса населения, – это будет вопиющей несправедливостью. Представьте себе, что этой кучке из ста человек и ста миллионам дали бы одинаковое количество пищи: вам поровну, пожалуйста, мешочек – вам и мешочек – вам. Равноправно? Нет! Это как раз попрание равноправия! Вы видите, друзья мои, я все подчеркиваю эту мысль: под маской демократии в современном

цивилизованном мире царит обман. И особенно большое давление оказывается на нашу страну: религиозный плюрализм, все должны обладать равными правами...

Продолжим разговор о религиозной свободе и о христианском ее понимании. Я напомню вам замечательные слова апостола Петра, который обличал этих проповедников внешней свободы, забывших о свободе внутренней: "Ибо, произнося надутые пустословия, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении; Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб." (2 Пет.2:18-19). Можно оказаться рабом свободы – рабом Божьим, рабом любви (вы понимаете, что это за рабство: это рабство только в переносном смысле), а можно оказаться, действительно, рабом злых похотей, и тогда наступает беда для человека. Не случайно апостол Павел пишет: "Не обманывайтесь, Бог поругаем не бывает" – что посеет человек, то и пожнет.

В конце концов, понимание свободы ориентируется, конечно, на благо. Ведь почему речь идет о свободах? Потому что речь идет о благе человека. Блага мы ищем, и свобода рассматривается как одно из первичных необходимых условий достижения этого блага. Вся суть, следовательно, в том, как понимать благо. С языческой точки зрения, благо – это "хлеба и зрелищ", и мы знаем, к чему приводят это "благо". С христианской точки зрения, благом является все то, что уподобляет человека Богу, уподобляет его Христу. То есть благом являются заповеди, не в смысле предписаний, а заповеди как свойства здорового человека, нового человека. Кстати, с этой мыслью, хотя бы и в самой элементарной форме, согласны, по сути дела, все. Нет ни одного государства, где бы не запрещалось, например, убийство, грабежи, насилие, воровство, подкупы. Всюду запрещается, то есть все понимают, что это не благо. Однако, в чем ошибка мирского сознания? В том, что они, запрещая вот эти грубые вещи, совершенно не видят, что порождает их в человеке. Ведь не с неба же сваливаются все эти злые деяния; почему человек их совершает? Об этом не задумываются. Вы посмотрите, что творится на стадионах или на рок-концертах, до чего там доходит дело – до драк, убийств. И все это культивируется, объявляется культурой,

объявляется духовностью! Это поразительная слепота! Мирские не понимают, что они срезают вершки и обильно поливают и удобряют корешки. Как же тут можно эффективно бороться с сорняками, когда вы их обильно удобряете и поливаете, культивируете. Не могут они посмотреть в суть вещей, не понимают, что идола, которыми являются, по авве Дорофею, славолубие, сребролюбие и сластолюбие, будучи культивируемы, не могут не привести к какому угодно рода преступлениям.

Существует только два способа, которыми можно победить злые склонности человеческой природы. Первый способ – тот, который предлагает христианство: обращение к внутреннему человеку, к правильной христианской жизни. Другой путь – жесткий тоталитарный режим, при котором устанавливается такая дисциплина, которая может быть охарактеризована как абсолютное рабство. Первый путь – путь Христа, второй – путь Антихриста. Современная европейская цивилизация – на Западе и на Востоке – с потрясающей последовательностью и прямолинейностью утверждая и культивируя свободу плоти, свободу похоти, фактически совершенно игнорирует свободу души человеческой. Все внимание обращено на плоть. Открыто провозглашая свободу страстей и решительно отвергая идею христианской любви, эта цивилизация все очевиднее вводит современные народы в последний круг смерти. Именно смерти, потому что в конечном счете все современные кризисы, в том числе и экологические, своим источником имеют именно абсолютизированную внешнюю свободу, когда совершенно утрачивается понятие греха. А там, где нет понятия о грехе, рождается произвол и самое безжалостное отношение ко всему – к другому человеку, к другим народам, к окружающей природе. Отсюда – полное пренебрежение нравственными законами и нравственными принципами. Это, в конечном счете, свобода вседозволенности. И эта свобода вседозволенности неумолимо ведет человечество к абсолютному рабству, в объятья Антихриста.

Кстати, нужно иметь в виду, что внешняя свобода легко продается за самый элементарный комфорт. Один из современных писателей очень справедливо писал, я процитирую вам: "Повсюду в мире умирает свобода – политическая, экономическая и личная. Без

свободы жить легче. Все больше людей охотно отдают свою свободу в обмен на удобную и спокойную жизнь. Не нужно принимать какие-либо решения, меньше ответственности. "Меня почему-то больше всего трогают слова "не нужно принимать какие-либо решения" - и действительно, очень многие люди ищут того, кто бы за них принимал решения. Такая позиция очень широко распространена и в нашей религиозной действительности: посмотрите, по какому принципу устроены все секты? Именно по этому: есть кто-то, кто за тебя принимает решение. Псевдостарчество, которое, увы, имеет место в нашей православной среде, на чем основано? На том же принципе.

Отказ от свободы, о котором мы ведем речь, вполне закономерен, потому что страсти, отпущенные на свободу, поработают человека, а поработанный человек - это кто такой? Это, например, сластолюбивый человек, а сластолюбивый очень легко продаст свое первородство за чечевичную похлебку - это тривиальный психологический факт. Поэтому Иоанн Богослов и предвозвещает это всеобщее и добровольное рабство, он пишет: "И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни. "Известный русский мыслитель Иван Аксаков, оценивая развитие Европы, пророчески писал в свое время: "Прогресс, - писал он, - отрицающий Бога и Христа, в конце концов, становится регрессом. Цивилизация завершается одичанием, свобода - деспотизмом и рабством. Совлекши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет, уже совлекает с себя и образ человеческий и возревнует об образе зверином. "Мне кажется, что современность как нельзя лучше подтверждает истинность его слов. О чем говорить, если дозволенным объявляется сатанизм - мировоззрение, которое открыто заявляет, что принципом его веры является совершение зла. Современный мир должен, наконец, понять, что внешние свободы не могут быть самоцелью. С точки зрения православного человека, они являются лишь одним из возможных, но вовсе не обязательных, условий достижения главной цели христианской жизни - свободы духовной. Эти внешние свободы должны быть всегда ограниченными, чтобы быть действительно полезными. Впрочем, мы и так прекрасно знаем, что эти внешние свободы никогда не бывают безграничными.

Господствующий в современном мире принцип "свобода ради свободы", то есть приоритет свободы над всеми другими ценностями человеческой личности и, в первую очередь, приоритет над любовью, – оказывается своего рода наркотиком, который губит все большее число людей.

Без христианского духовно-нравственного критерия нет никакой реальной возможности правильно решить вопрос о внешних свободах. Этот христианский критерий – примат любви, жертвенной любви, над всеми другими ценностями человеческой жизни. Поэтому только в ключе любви и возможна оптимальная реализация всех тех прав, которые необходимы человеческому обществу.

Бердяев, по моему глубокому убеждению, был глубоко не прав, когда провозгласил примат свободы над бытием. Что такое "примат свободы над бытием"? Когда он говорит "над бытием", речь идет не о существовании, а речь идет о фундаментальной истине: "Аз есмь сый", – сказал Бог; и первичность свободы в этой сфере означает не что иное, как примат свободы над высочайшей ценностью Того, Кто есть "сый", над высочайшим свойством Того, Кто есть Он – над Любовью. В этом принципиальная и, я бы сказал, роковая ошибка Бердяева. Именно поэтому Бердяев стал для Запада своего рода выразителем Православия, идеологом, гением: именно это больше всего пленяет западного человека, который, к сожалению, совершенно не понимает тех православных установок, о которых мы с вами говорили. Для Запада нет этих идей, нет этих установок, нет главенства идеи Любви. И это очень печально. Вы сами понимаете, как сильна сейчас у нас западная пропаганда, и этому идеологическому натиску мы можем и должны противопоставить великую идею Любви, которая превышает все. Только в любви возможна истинная свобода. Нет любви – нет свободы.

***

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44). Такая любовь освобождает и выводит из бесконечного причинно-следственного порочного круга, где мерой воздается за меру, оком за око и зубом за зуб. И сам человек здесь может придти от низшего вида свободы, "свободы ОТ", к высшей ее

форме, "свободе ДЛЯ" или "свободе В". С точки зрения обыкновенной житейской логики такая любовь невозможна. Но - «невозможное человекам возможно Богу». «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20), притом что такая любовь творит чудеса куда позначительнее простого переставления гор, а горы в данном случае - скорее окамененные человеческие сердца-глыбы. Наоборот, всякий раз, когда мы уповаем исключительно на свои природные силы, свою логику, никакого преобразования ни внутри нас, ни вокруг нас не происходит - в лучшем случае господствуют законы, принципы, кантовские «категорические императивы», где не остается месту живой вере и любви.

священник Филипп Парфёнов

См. также: [Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека](#)

См. [ПРЕДВИДЕНИЕ И ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ БОЖИЕ](#)